

ДЕТЕКТИВ
СИЛЬНЫХ СТРАСТЕЙ

ЧИТАЙТЕ ЧУВСТВЕННЫЕ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ БОЧАРОВОЙ:

**РОМЕО ДОЛЖЕН
ПОВЗРОСЛЕТЬ**

**ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР
ВСТРЕЧИ**

**ЖЕНЩИНА
В ЛУННОМ СВЕТЕ**

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

**ЖЕНЩИНА
В ЛУННОМ
СВЕТЕ**

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Оформление серии *А. Дурасова*

Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Бочарова, Татьяна Александровна.

Б86   Женщина в лунном свете : [роман] / Татьяна Бочарова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой).

ISBN 978-5-04-107961-1

После смерти жены Иван потерял интерес ко всему. Перестав следить за собой, он остался без работы и оказался на больничной койке. Казалось бы, надежды нет, но неожиданно для себя Иван нашел новый смысл в жизни. Случайное знакомство с прекрасной незнакомкой, в которую он влюбился с первого взгляда, казалось бы, обещало ему счастье... Вот только эта женщина вскоре пропала, а когда Иван начал искать ее, выяснилось, что ее давно нет в живых! Кто же сводит Ивана с ума — неужели призрак? Или вполне реальный человек?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бочарова Т., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107961-1

1

Нина умерла в апреле. Стоял погожий денек. С утра ярко светило солнце, заливались птицы в ветвях старой березы под окнами. Она лежала в постели, маленькая, сухая, точно былинка, глаза ее были открыты и смотрели на Ивана доверчиво и спокойно. Он сидел рядом и подавленно молчал. Он не знал, что сказать.

Нина все понимала. Она понимала, что сейчас ее не станет. Лицо ее было отрешенным и безмятежным. А вчера еще она мучилась от боли, кусала губы, в глазах был страх, страдание.

За ночь все переменялось. Боль ушла, страх тоже. Она позвала Ивана.

— Давай я Борьке позвоню, — предложил он, испугавшись этой внезапной безмятежности и тишины жены.

— Не надо, — попросила она, едва шевеля запекшимися губами, — зачем? Он на работе сейчас. Вечером освободится, приедет. А то в выходные.

Иван понял, а вернее, почувствовал, что Нина специально так говорит — она знает, что до вечера не доживет, не то что до выходных. Не хочет, чтобы сын видел ее конец. Тем более Борька не один придет, а с Зойкой, супругой, будь она неладна. Зойка

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

свекровь ненавидит. Зачем Нине в последние свои минуты терпеть рядом эту змеюку?

Иван согласно кивнул и сел возле кровати жены нести свой крест, свою вахту. Оба молчали, одна лежа под одеялом, другой сидя на новом, недавно купленном дерматиновом стуле с металлической спинкой. Каждый вспоминал одно и то же — общую их молодость.

Иван думал о том, как быстро все промелькнуло — каких-то тридцать лет, и нет юности, нет озорной зеленоглазой девчонки с каштановыми кудрями и сочными розовыми губами. Нет весенних пьяных вечеров, поцелуев в сквере на скамейке, сердца, стучащего в груди от оглушительного счастья: «Влюблен! Женюсь!» Куда все подевалось? И почему так внезапно и скоро?

А Нина думала о том, что, несмотря на горькие слезы последних десяти лет, на бедность и безденежье, на тяжкую болезнь, растерзавшую ее плоть, она все же была счастлива. Если б не Ванино пьянство, то и совсем счастлива. Потому что знала твердо — любовь у них была, взаимная, яркая, как в фильмах показывают. А ради любви все можно стерпеть: и нужду, и ссоры, и бегство из дому повзрослевших детей. И даже мужнино пристрастие к алкоголю.

Вот так они молчали и вспоминали, а за окном надрывалась маленькая серая птица, выводя трели и рулады на старой, выдавшей жизнь, березе, среди ветвей, покрытых набухшими почками, готовыми пустить первую листву...

2

На похороны приехала сестра Нины, Татьяна. Она жила в Минске и была старше Нины на пять лет, но выглядела гораздо моложе нее. Татьяна поселилась у них в квартире, хлопотала, звонила беспрерывно по телефону, по-хозяйски гоняла Ивана, Борьку и даже Зойку. На кладбище она тоже всем заправляла, а уж на поминках и вовсе чувствовала себя генералом.

Сам Иван казался себе маленьким и ничтожным, и ему хотелось стать еще более незаметным, залезть под стол и спрятаться там от сочувственных и одновременно осуждающих взглядов родни и друзей. Он смотрел на большой портрет Нины, стоявший в торце стола, перевязанный траурной лентой. На нем жена, молодая, белозубая, смеялась, словно давая понять Ивану: все в этой жизни преходяще, не стоит так уж убиваться.

Иван наливал стопку за стопкой, ему не хотелось смотреть на Нинину улыбку. Нина давно не была такой — ослепительно красивой, полной сил и юного задора. Она была худой и угасшей, с пожелтевшим лицом, воспаленными глазами, тихим голосом. Но именно это была его Нина, та, которую он держал за руку во время ее последнего вздоха...

Поминки Иван запомнил плохо. Все утонуло в хмельном угаре. Дней пять или больше он не просыхал, а когда очнулся — за окном было темно, а кругом тишина. Иван, с трудом заставив тело ше-

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

велиться, сел на диване. Где все? Где Борька, Зойка, где Татьяна? Бросили его одного в горе и беспомощности, гады.

— Борька-а, — позвал Иван и не узнал своего голоса, надтреснутого и едва слышного. — Борь, ты где? Плохо мне, сынок..

Ивану действительно было хреново: голова точно свинцом налита, в глазах тошнотворная зелень, под ложечкой тянущая тупая боль.

— Борька-а..

— Ну чего ноешь-то? Иду я, иду, — слышался спокойный голос.

В комнату зашла Татьяна.

— Проснулся? — Она укоризненно покачала головой. — Свинья ты, Ваня, какая же свинья! Тебе лишь бы водку жрать. Ниночки нет, царствие ей небесное. — Татьяна всхлипнула и перекрестилась. — А у тебя все одно на уме. Эх.. — Она безнадежно махнула рукой.

Иван между тем заметил цепким натренированным взглядом в другой ее руке поллитровку. Славная Танька баба, понимающая, не даст пропасть родственнику.

— Танюш, вот те крест, завяжу я. — Иван нетвердой дрожащей рукой положил знамение. — Это ж я от горя. Как я без Ниночки? Что я теперь.. — Он не договорил, голос его сорвался, глаза наполнились слезами.

Татьяна вздохнула и, приблизившись к дивану, села рядом.

— Эх, Ваня, Ваня. — Ее теплая мягкая ладонь коснулась его шевелюры. — Ведь неплохой мужик. Как ты так жизнь свою профукал? Все питье твое, будь оно неладно. И Ниночку на тот свет раньше времени спровадил, она-то любила тебя, дурня, переживала, убивалась. Вот и допереживалась...

Они сидели на диване, обнявшись, застыв в неизбывном горе, и молча тихо плакали. Первой пришла в себя Татьяна.

— Вот что, Ваня, ты выпей, опохмелись. Я там яишенку пожарила с колбаской, пойдем, тебе поесть надо. Ты с поминок голодаешь, ничего, кроме водки, в рот не брал.

Иван послушно двинулся за ней в кухню, присел к столу, как всегда, бывало, садился, ожидая, пока Нина поставит перед ним тарелку с едой. И вдруг с новой болью и остротой ощутил — не будет больше он так сидеть, с нетерпением глядя в спину хлопочущей у плиты жены. Никогда больше не посмотрит она на него усталыми и добрыми глазами, не скажет с дружеской усмешкой: «Ну что, папочка, проголодался? А у нас сегодня вареники на ужин...»

Иван уронил голову и уставился в столешницу. Татьяна подала ему скворчащую сковородку и вилку. Иван налил стопку, за ней другую, третью. Постепенно его отпустило, пелена перед глазами рассеялась, тошнота прошла.

— С работы звонили, — сказала Татьяна.

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

— Чего им? — рассердился Иван. — Могу я жену похоронить, в конце концов?

— Так больше недели уже прошло. — Татьяна грустно улыбнулась.

— Как больше недели? — не поверил Иван. — Я думал, пара дней.

— Завтра девять дней. — Татьяна все так же грустно покачала головой. — Отметим, и поеду я.

— Куда поедешь? — не понял Иван.

— Домой поеду, горе ты луковое. У меня там внуки, огород, хозяйство брошено. Не могу ж я с тобой здесь вечно сидеть да водкой тебя поить.

Иван молча смотрел на Татьяну, не зная, что сказать. Он боялся остаться один в пустой квартире, боялся, что ночью явится к нему Нина и начнет упрекать, что не берег ее при жизни. И будет права. Но он же мужик, не пацаненок, чтобы вцепиться в Татьянину юбку и просить не уезжать, не бросать его.

— А на работу сходи, — проговорила Татьяна, забирая пустую сковородку. — Там сердятся уже, говорят, подводишь ты их, заказы срываешь.

— Схожу. — Иван обреченно кивнул.

3

Назавтра он принял душ, долго брился, придирчиво разглядывая свое опухшее и красное лицо в круглом зеркале над раковиной. Надел чистую рубашку, аккуратно причесал влажные волосы. Снова оглядел себя в зеркале, уже в стенном шкафу.

Нина всегда говорила, что Иван не выглядит на свой возраст. Она была права. Может, дело было в его поджарости или в густых, без единой проплешины, волосах, доставшихся ему по наследству от деда и отца.

Так или иначе, никто Ивану не давал его пятидесяти двух. Вроде нестарый совсем мужик, вот только по лицу видно, что злоупотребляет алкоголем. Нина рядом с ним последние годы выглядела значительно старше, хотя была моложе на четыре года. Иван на всякий случай втянул еще больше и так плоский живот, приосанился, расправил плечи. Зачем-то откашлялся и поехал к начальству на разборки.

Фирма, в которой он работал электриком, находилась недалеко, шесть остановок на автобусе. Иван ехал и смотрел в окно. Вот уже почки сменились первыми зелеными листочками, и травка молодая всю зеленеет. И солнышко так ласково светит. А Нины нет. Как так? Как может быть, что он — вот, едет себе, глядит на солнце, на птичек, прыгающих по асфальту, а она не видит всего этого, не слышит веселого звона трамвая, капель первого весеннего дождя, ничего, ничего не слышит и не видит...

Он едва не проехал свою остановку, задумавшись. Выскочил из дверей, споткнулся, больно подвернув ногу. Тихо, сквозь зубы, выругался и почувствовал, как его неудержимо тянет выпить. «Потом, вечером, — успокоил он сам себя. — Схожу по

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

заказам, денежку заработаю. А вечером можно. Как раз девять дней».

Начальник смотрел на Ивана равнодушно и одновременно нетерпеливо.

— Как уволен? — Тот ничего не понимал. — Объясните, за что?

— Что тебе объяснять, Андреев? Мы в твоих услугах больше не нуждаемся. Ждать, пока ты выйдешь из запоя, у нас нет ни времени, ни денег.

— Но у меня жена... да как вы... как не стыдно вам! Я жену похоронил, девять дней сегодня... — Иван почувствовал, как к лицу прилила кровь.

— Сочувствую твоему горю, Иван Палыч, но у нас частная фирма, тут каждый день год кормит. Клиентов терять никак нельзя, а ты подвел. И хоть бы предупредил, позвонил.

— Я звонил! — Иван задохнулся от гнева и несправедливости.

— Какое там. — Начальник махнул рукой. — Мы тебе звонили, ты трубку не брал. Да если б это первый раз было, Андреев! Так ведь не первый. И не второй. Иди. Ступай с богом, а горю твоему мы соболезнуем.

Иван хотел возразить, внутри у него все клокотало от боли и ярости. Но неожиданно он почувствовал, что не может ничего сказать. Да, действительно периодически он не выходил на работу. Срывался на неделю, потом еще несколько дней приходил в себя. Его терпели на фирме, потому что специалистом в своей области он был хорошим. Терпели,

терпели, да и надоело. Когда-нибудь всему приходит конец.

— Ладно, — хрипло проговорил Иван и взялся за дверную ручку. — Ладно, вы еще пожалеете. Еще просить будете, чтобы я вернулся. А вот вам! — Он показал начальнику кукиш.

Тот пожал плечами, все так же равнодушно глядя куда-то мимо Ивана. Он вышел в коридор и с силой захлопнул дверь, вкладывая в этот хлопок всю свою злость и боль. Рванул туго затянутый галстук — вот дурак, еще и удавку с утра повязал. Он шел, прихрамывая, по длинному узкому коридору и говорил сам с собой. Нет, не только с собой, еще и с Ниной. «Так-то они со мной, — жалобно шептал Иван, — разве я заслужил? Столько лет верой и правдой! И руки у меня золотые, сам начальник сколько раз говорил!» А голос Нины в его голове отвечал мягко и печально: «Но ты ведь понимаешь, что прав он, твой начальник. Кто будет пьянство терпеть? Никто. Сам виноват».

Так, споря сам с собой, он дождался автобуса, доехал до своей остановки и тут же зашел в «Пятерочку». Татьяна увидела его, нагруженного пакетами с бутылками, и всплеснула руками.

— Ты что это, Ваня! Куда столько водки?

— Так ведь девять дней!

Иван торопливо протиснулся мимо нее в прихожую. Руки его тряслись от нетерпения. Скорей, скорей, чтобы ничего не помнить, чтобы все забыть, и начальника, и зеленую травку, и, главное, это проклятое сияющее солнце...

На следующий день Татьяна уехала. Перед тем как отправиться на вокзал, она долго плакала, глядя на бесчувственного угрюмого Ивана. Позвонила Борису.

— Ты ж смотри, отца не бросай. Болен он. И с работы его выгнали. Помогайте ему, навещайте.

Борька промычал что-то невразумительное в ответ. Трубку тут же выхватила Зойка:

— Вон как, он пьет, а мы должны ходить за ним да приглядывать! Еще, может, и содержать его на свои кровные? Вот если б он квартиру на нас отписал, тогда да, конечно. Зачем ему одному целая трешка? Что он в ней делать будет?

Татьяна послушала, плюнула и в сердцах бросила трубку. Окинула последним взглядом Ивана, пробормотала: «Эх, бедолага» — и, подхватив чемодан, уехала.

Вечером Ивану позвонила дочь Маша из Сан-Франциско. Маша была замужем за американцем, звонила редко и никогда не приезжала, объясняя это тем, что билеты дорогие, все они в своем Франциско сильно заняты, да и не принято среди американцев много общаться с родственниками. Вот и на похороны матери Маша тоже не приехала, а Иван ждал ее, надеялся. Думал, внучку привезет, Юльку, ей шесть будет осенью. Они с Ниной только по скайпу ее и видели, а живую ни разу.

— Привет, пап, — бодро проговорила Маша. — Ну, как ты там?

Он только что принял очередные сто грамм, поэтому в жилах его приятно бурлила кровь, а язык слегка заплетался.

— Доча! Здравствуй, доча! — пропел в телефон Иван. — Я ничего. Держусь. — Он икнул и прикрыл трубку рукой.

— Снова выпил? — укоризненно произнесла Маша. — Даже сейчас не можешь удержаться? В такое-то время.

— Молчи, доча! — Иван погрозил трубке пальцем. — Ты... что ты понимаешь! Сидишь там у себя в Америке, едрить ее... а мамка умерла, нет ее больше. Понимаешь, нет мамочки нашей...

Тут Иван снова заплакал, хлюпая носом и отирая слезы, катящиеся из красных глаз.

— Ты держись, пап. — Голос Маши смягчился. — Не пей. Заботься о здоровье. Я... я, может, приеду скоро к вам. Если получится.

— Приезжай, Марусенька, приезжай! И Юленьку привози! Вы теперь все, что у меня осталось. Борька со своей стервой Зойкой только и ждут, чтобы я вслед за Ниночкой отправился.

— Что ты такое несешь, пап! — Маша едва слышно вздохнула. — Связь дорогая, не могу больше говорить. Давай, не глупи. Целую.

— Целую, доча!

Она выключилась. Иван налил еще рюмку, закусил вчерашней оладушкой, испеченной Татьяной. Сел на диван, уронив руки.